Лукьянчикова Н. В.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЖИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ Н. С. ЛЕСКОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/47.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 117-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

лений), приводила к необоснованному расширению объема словарного состава языка и к искажению семантической перспективы его развития.

Таким образом, проблема омонимии должна быть признана одной из самых неотложных и вместе с тем запутанных, очень далёких от решения проблем теории лексикографии и общей семасиологии. Выяснение понятия омонима тесно связано с исследованием структурно-семантических типов омонимии в разных языках и с раскрытием общих основ и признаков омонимии как характерного явления лексического строя языка.

Следовательно, только всестороннее изучение свойственных языку в его современном состоянии законов сочетания и объединения значений в структуре одного и того же слова может привести к правильному и глубокому пониманию как системы соотношений омонимов в современном языке и правил функционирования разных их типов, так и закономерностей активного производства и воспроизводства некоторых категорий омонимов, а также условий отмирания отдельных омонимов.

Список использованной литературы

1. Античные теории языка и стиля. - М., 1996.

2. Булаховский Л. В. Из жизни омонимов // Русская речь. - М., 1928. - Вып. 3. - С. 47-60.

3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.

4. Инякина Ю. В. Типы омонимии существительных на - ник в общеупотребительной и специальной лексике современного русского языка // Материалы XI Международной конференции по функциональной лингвистике. - Ялта, 2004. - С. 157-158.

5. Малаховский Л. В. Омонимия слов как абсолютная лингвистическая универсалия // Ин. языки в высшей школе. - М., 1977. - Вып. 12. - С. 94-98.

6. Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. - Л., 1990.

7. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. - М., 1970. - Вып. 5. - С. 250-299.

8. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. - М., 2001.

9. Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. - М., 1977.

10. Эман Э. Об омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания. - 1960. - № 5. - С. 117-124.

11. Bradley H. On the Ralations between Spoken and Written Language. - Oxford, 1919.

12. Gillieron J. Pathologie et therapeutique verbale. - Paris, 1921.

13. Jespersen O. Monosyllabism in English // Proc. of Brit. Acad. - London, 1928. - Vol. 14. - P. 344-368.

14. Trnka B. Bemerkungen zur Homonymie // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. - Prague, 1935.

15. Williams E. R. The Conflict of Homonyms in English // Yale Studies in English. – London: New Haven, 1944. - Vol. 100. - P. 1-130.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЖИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ Н. С. ЛЕСКОВА

Лукьянчикова Н. В.

Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Агиографическая литература органически входит в творческое сознание Н. С. Лескова, ибо в ней писатель видит художественное воплощение благочестия и «веры народной» [Лесков 1984: 38]. Лесков, по его собственному утверждению, знает русский народ «изнутри» [Лесков 1956: I, 12], этим во многом обусловлен его интерес к агиографической литературе как излюбленному народному чтению, предлагавшему высокие нравственные образцы. Жития святых относились к тому типу сочинений, содержание которых могло и должно было удовлетворить духовные запросы народа и воплотить в себе коренные идеи христианской церкви.

Уже в начале 1860-х годов автор констатирует: «История земной жизни Христа и святых, чтимых церковью, составляет самое любимое чтение русского народа» [Северная пчела 1862], - а в 70-е годы он окончательно утверждается в этом мнении: «Дух житийных сказаний - это тот дух, который в повествовательной форме всего ближе знаком нашему религиозному простолюдину» [Лесков 1956: XI, 109]. Высокий нравственный идеал, воплощенный в незаурядных личностях святых, привлекает писателя, считающего агиографическую литературу одним из источников литературы нового времени [Лесков 1984: 38, 40]. Глубина и содержательность произведений автора во многом определены его опорой на житийные жанровые модели и связанные с ними мотивы, проблемы, принципы и приемы обрисовки персонажей. Лесковская позиция, сформулированная им, во-первых, в «Предисловии» [Лесков 1956: VI, 641-643] к циклу о «трех праведниках» (1880): вера в то, что существуют праведники, без которых «несть граду стояния», люди не от мира сего, стремление доискаться, что есть праведность, каков ее реальный, житейский облик, - во-вторых, в заметке «О героях и праведниках» [Лесков 1881: 5] (1881): интерес к приближающемуся к святости человеку, который сумел «прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав… не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастного врага», - в-третьих, в «Авторском признании» (открытом письме П. К. Щебальскому) [Лесков 1956: XI, 229] (1884): изображение лица с его **духовным содержанием** - демонстрирует высочайшую степень погруженности писателя в контекст христианской, в первую очередь агиографической, литературы, для которой важным является описание подвижнической жизни, показ воплощения идеальных требований в земной действительности. Житийные жанровые традиции преломляются и серьезно

трансформируются в творчестве Н. С. Лескова, и характер этих трансформаций определяется как гуманистическим мироощущением писателя, так и эстетической позицией художника, свободного от литературных шаблонов, создающего оригинальный портрет современного праведника.

Н. С. Лесков - художник с христианским мировидением, один из самых христианских писателей своего времени, при этом необходимо осознавать опасность упрощенных христианских прочтений его произведений.

Обращение к проблеме нравственных поисков, духовного становления автора, эволюции авторской индивидуальности неизменно направляет внимание к его религиозным исканиям. Тема собственной религиозности Н. С. Лескова неоднократно поднималась исследователями и определялась ими как достаточно спорная. Лесков в запальчивости позволял себе резкие выпады против православия и церкви, а их легко можно было принять за выпады против религии вообще.

Очевидно, что церковь для Н. С. Лескова не является чем-то раз и навсегда устоявшимся, неизменным и не подлежащим изменению. Напротив, религиозность писателя носит динамичный, можно даже сказать, поисковый характер. Путь обретения веры Н. С. Лесковым не мог быть простым и прямолинейным, как, впрочем, и у большей части российской интеллигенции, он должен был сопровождаться скептицизмом и сомнениями, «томлением духа», ибо вопросы, волнующие всякую мыслящую личность: какое место в духовном мире человека и в самой его жизни должна или может занимать вера? чем она питается и на чем произрастает? способен ли человек в принципе положить веру христианскую в основание всей своей жизни? - накладываются на собственные религиозные и духовные поиски многих деятелей культуры, на формирование индивидуальных мировоззренческих установок.

Создавая художественные произведения и являясь одновременно творцом самого себя, своего внутреннего мира, Н. С. Лесков не только растет в профессиональном отношении, обретает и оттачивает оригинальный стиль, наблюдая отдельные факты действительности и отражая их в повестях и рассказах. Его писательская жизнь - это прежде всего путь обретения веры, поиск духовного идеала, напряженные размышления о мире и о своем отношении к нему, и этот путь тесно связан с решением вопроса о влиянии художественных традиций на становление и эволюцию личности, с восприятием и переработкой традиционно укорененных в народном сознании элементов исходя из авторской индивидуальной позиции.

Об интересе Н. С. Лескова к агиографической традиции неоднократно упоминалось в трудах исследователей. И. В. Столярова, анализируя творчество Н. С. Лескова 1880-х годов, отмечает особое чувство писателя по отношению к людям, способным в самых нелепых и противоречивых обстоятельствах противостоять их влиянию и жить по законам совести и сердца, высказывает мнение, что, выступая убежденным защитником идеи духовной свободы лица, Лесков опирается в своих жизнеописаниях на традиции древнерусской агиографической литературы [Столярова 1978: 197]. О. Е. Майорова, обращаясь к анализу одного из наиболее ярких произведений Н. С. Лескова - повести «Несмертельный Голован» - устанавливает особый интерес писателя к той разновидности житий, которые несли на себе отпечаток устного бытования и, обогатившись фольклорными традициями, преобразовались в житийную легенду [Майорова 1987: 173]. И. Ю. Лученецкая-Бурдина, исследуя интерпретацию античной и библейской традиций в творчестве выдающихся писателей второй половины XIX века (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова) указывает на подчеркнутую ориентацию на агиографические традиции романа-хроники «Соборяне», в котором автор стремился представить «модель русской вселенной» [Лученецкая-Бурдина 2002: 17]. О присутствии в жанровой структуре ряда произведений Н. С. Лескова элементов жития писали также В. В. Кусков, А. А. Горелов, Дж. Алиссандратос и ряд других исследователей.

Будучи произведениями каноническими, с устойчивой структурой, с повторяющимся набором мотивов и образов, реализуя четко определенную задачу- предложить читателю идеальную модель жизненного пути, - жития становились совершенно определенным знаком культурной традиции. Обращаясь к житиям как элементу традиционному, устоявшемуся, проверенному временем, Н. С. Лесков уходит от мистики: не дьявол строит козни человеку, а житейская рутина. Она - то же зло, но десакрализованное, социальное, этически банализированное. «Житие» Лескова - «переводное» с языка христианской мистики на язык житейской обыденности. Именно обыденность противостоит духовному подвигу, а не дьявол. Но она считается нормой, все ей следуют, так как на ней выстроены привычные и понятные человеческие отношения, а человек, выломившийся из нормы, сделавший практикой своего поведения иные идеалы - библейские - считается выродком, юродом (как, например, Рыжов, дочитавшийся «до Христа» («Однодум»)), поэтому и судить его строго нельзя. Н. С. Лесков уверен: все знают, что хорошо, что плохо, но не следуют этому, так как все человеческие отношения построены на основах контридеальных. Для чего нужен идеал? - Чтобы помнить духовную иерархию, «не наше», небесное устройство мира. А человек грешен, «не согрешишь - не покаешься» - говорит «народная мудрость». В этом смысле очень показателен пример «христианина-дикаря», бросившего во время бурана умирать отца Кириака: «Попа встречу - он меня простит» [Лесков 1956: V, 510]. И, напротив, в желании жить по-божески окружающим видится гордыня, грех - святым не место среди людей. В своих произведениях Н. С. Лесков наглядно демонстрирует, что не князь тьмы толкает людей под руку, а сами они творят ужасное в своей жизни и сами себя за это прощают. То, что привычно считается нормой, с точки зрения действительно нормального (то есть нравственного, достойного, мужественного), есть чудовищное искажение нормы. Святость, по мнению Лескова, - это последовательная человечность. Человеком должен называться тот, кто способен жить по-человечески - по-божески - в мире повсеместного человече-

ского падения. И если у живого человека в реальной жизни так может быть, то это не рецепт самоусовершенствования (как у Л. Н. Толстого) и не иррациональная вера вопреки очевидности (как у Ф. М. Достоевского), а надежда на то, что мир анекдота и рутины повседневного паскудства еще не одолел Человека, констатация трагической надежды на то, что три праведника, как Атланты, все еще держат этот мир. Кажется, что люди за две тысячи лет христианства стали не лучше, а только хуже, развратнее, грехи предков, как показывает Лесков, выглядят маленькими и наивными по сравнению с грехами современников. *Веры* в то, что произойдут наконец изменения в лучшую сторону, нет, однако *опыт* собственного лесковского общения с простыми людьми приводит к мысли, что *надежда* есть, человек способен подняться над грязью.

Ни одна литературная форма, как древняя, так и современная Лескову, не может так сильно представить положительно прекрасного человека, как житие. Для писателя важным является, что житие может не объяснять, а показывать: человек - возможен.

Древняя Русь унаследовала от Византии широко разработанные агиографические традиции. Русская агиография XI-XVII веков в значительной степени обогатила общехристианскую традицию, привнеся в нее ярчайшие памятники. Интерес Н. С. Лескова к агиографическому жанру очевиден, и представляется важным определить масштаб и характер взаимодействия с житийной традицией в его творчестве. Естественно, речь при этом должна идти о том, как в результате диалога с конкретной жанровой формой, трансформации этой формы в произведениях писателя реализуется его творческое кредо: изображение *живого* лица с его *духовным содержанием*.

Диапазон восприятия Н. С. Лесковым традиций христианской литературы весьма широк, ибо на протяжении всего своего творческого пути писатель активно ориентируется на нее. Единственным произведением Н. С. Лескова, в котором жанровое наименование жития вынесено в название, является «Житие одной бабы» (1863). Это своего рода эксперимент, в котором автор пробует посредством ссылки на жанровую традицию представить собственное видение трагического характера и трагической судьбы современного ему человека.

Продолжение и развитие агиографической традиции наблюдаем в произведениях Н. С. Лескова 1860 - 1880-х годов. Житийные образы постоянно просвечивают за жизненной сущностью таких лесковских героев, как Константин Пизонский («Котин доилец и Платонида» (1867)), протопоп Туберозов, священник Захария и дьякон Ахилла (роман-хроника «Соборяне» (1872)), Иван Флягин («Очарованный странник» (1873), швейцар Павлин («Павлин» (1874)), отец Кириак («На краю света» (1875)), персонажи программного цикла «Праведники» квартальный Рыжов («Однодум» (1879)), «пигмей» («Пигмей» (1876)), воспитатели Кадетского корпуса («Кадетский монастырь» (1880)), Голован («Несмертельный Голован» (1880), солдат Постников («Человек на часах» (1887)), Вигура («Фигура» 1889)) и другие. Каждое из указанных произведений объединяет с агиографической традицией прежде всего тот факт, что в них присутствует важнейший житийный признак: в центр повествования вынесен образ героя (праведника), чья жизнь, с точки зрения автора жития, является идеалом, образцом для подражания. Имеются в них и другие постоянные признаки, свойственные житиям:

- рождение героя в семье благочестивых родителей (Кириак («На краю света»), Рыжов («Однодум»), Голован («Несмертельный Голован»));
- кротость и незлобивость (Настя («Житие одной бабы»), Захария Бенефактов («Соборяне»), отец Кириак («На краю света»), Голован («Несмертельный Голован»), Вигура («Фигура»));
- гонения на святого, неприятие его окружающими (Настя («Житие одной бабы»), протопоп Савелий Туберозов («Соборяне»), Рыжов («Однодум»), Голован («Несмертельный Голован»), Вигура («Фигура»));
- совершение героем аскетического подвига (Рыжов («Однодум»)), подвига самопожертвования (Голован («Несмертельный Голован»), «пигмей» («Пигмей»), отец Кириак («На краю света»), солдат Постников («Человек на часах»)) и бесстрашия (протопоп Туберозов («Соборяне»), Иван Флягин («Очарованный странник»), Рыжов («Однодум»));
- мученическая кончина (Настя («Житие одной бабы»), Голован («Несмертельный Голован»), Кириак («На краю света»));
- незримая или непонимаемая людьми чистота (Настя («Житие одной бабы»), Голован («Несмертельный Голован»)).

Несомненно, с агиографическими героями персонажей праведнических произведений Н. С. Лескова роднит и их поставленность на пределе человеческой жизни, некое пограничное состояние. Почему ничего и никого не боится Рыжов («Однодум»)? - А что с ним можно сделать? Как и чем наказать или испугать человека, который «на десять рублей в месяц умеет с семьей жить» [Лесков 1956: VI, 241]? Состояние «на краю», «на пределе» знакомо и таким героям, как Иван Флягин («Очарованный странник»), Голован («Несмертельный Голован»), отец Кириак («На краю света»).

Как известно, существует несколько традиционных типов житий, различия между которыми определяются прежде всего типом героя. В ряде произведений Н. С. Лескова фигурируют персонажи, чей жизненный путь не был омрачен грехом и падением, которые строго следовали нормам добродетели в соответствии с высокими нравственными принципами (Рыжов, Голован, воспитатели «Кадетского монастыря», Вигура). Другие герои проходят также традиционный для агиографии путь: грех - покаяние - мученическое искупление или подвиг (священник Кириак, «пигмей», Иван Флягин, швейцар Павлин Певунов). В характерах ряда лесковских персонажей присутствуют и черты юродства (Константин Пизонский, Голован, Вигура). В то же

время в этих произведениях писатель рисует праведность в ее мирской, по преимуществу бытовой явленности, он находит «святых» нового времени там, где никому и в голову не приходит их искать. Понятие «святость», являющееся центральным для жития, в творчестве Н. С. Лескова имеет прежде всего этическую наполненность, характеризуя отношение праведника к миру, к людям вокруг себя, стремление хотя бы собственным примером продемонстрировать каким человек быть **должен.** Святость героев агиографической литературы часто также определялась так называемыми мирскими добродетелями: трудолюбие, рачительность (Феодосий Печерский, Сергий Радонежский), неприятие лжи и обмана, разврата (Феодосий Печерский), доброта и милосердие по отношению к бедным (Юлиания Лазаревская), - но главным критерием святости являлась устремленность не столько к человеку, сколько к Богу, или, по словам Б. Бермана, «воплощение идеальных требований в земную действительность», «уподобление идеалу Христа» [Берман 1982: 174]. В рассказах Н. С. Лескова 1860 - 1880-х годов утрачивается идеалистическое начало агиографического канона, все более реальные черты приобретает личность праведника в сочетании со сложностью и противоречивостью его характера. Писатель следует традиции, но не повторяет ее, а творчески преображает, что позволяет определить его отношение к древнерусской агиографии как диалог-интерпретацию. Использование приемов, присущих агиографической литературе, их художественное переосмысление позволяет Н. С. Лескову достичь разнонаправленных целей: показать трагизм судьбы простого человека; найти воплощение образа идеального героя, нравственно образцовой личности; продемонстрировать сложность, противоречивость, многогранность человеческого характера.

Список использованной литературы

1. **Берман Б. И.** Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. - М., 1982.
2. **Лесков Н. С.** Жития как литературный источник // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. - Л., 1984.
3. **Лесков Н. С.** О героях и праведниках (заметка) // Церковно-общественный вестник. - 1881. - № 129.
4. **Лесков Н. С.** Собр. соч.: В 11 тт. - М., 1956.
5. **Лученецкая-Бурдина И. Ю.** Проза Л. Н. Толстого в литературном контексте 1870-1890-х годов: Автореферат дисс….докт. филолог. наук. - М., 2002.
6. **Майорова О. Е.** Рассказ Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // Русская литература. - 1987. - № 3.
7. **Северная пчела.** - 1862. - 23 марта. - № 80.
8. **Столярова И. В.** В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова). - Л., 1978.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Лябина О. Г., Копельник В. И.
Тамбовский государственный технический университет

Обзор научных работ последних десятилетий, посвященных лингвистике, психолингвистике, философии, психологии и другим смежным наукам, указывает на повышенное внимание к изучению субъективности.

В настоящей статье субъективность рассматривается не в противопоставлении к объективному, а как «принадлежащее субъекту», где «у человека психическое объективно существует только как субъективное» [Брушлинский 2001: 3]. Вслед за А. А. Залевской представляется важным сделать некоторые уточнения. Говоря о субъективности, можно вести речь «об особенностях психики человека как представителя вида». Однако каждому субъекту принадлежит и нечто «чисто индивидуальное, личностное, определяющее восприятие и переживание воспринимаемого» [Залевская 2001: 73]. Следовательно, при рассмотрении субъективности индивида необходимо учитывать общие характеристики, свойственные любому индивиду, а также принимать во внимание личностный аспект, который будет присутствовать всегда.

Используя прием разложения субъективности на определенные составляющие, выделим следующие факторы субъективности. Существует положение, что предметы и явления действуют на человека в таком многообразии, что он не может воспринимать их все одновременно. Из огромного числа воздействия предметов или явлений лишь некоторые выделяются с большей осознанностью и отчетливостью. Под влиянием опыта в воспринимаемом объекте выделяются наиболее информативные для данного индивида признаки. На данной основе, соотнося полученную информацию с тем, что хранится в памяти, формируется целостное представление о предмете или явлении в виде мыслительной формы. Таким образом, основным фактором субъективности индивида является предшествующий опыт или апперцепция. Различают устойчивую апперцепцию - зависимость восприятия от устойчивых особенностей личности (мировоззрения, убеждений, образованности и т. п.). А также временную апперцепцию, в которой сказываются ситуативно возникающие психические состояния (эмоции, установки, экспектации и т. д.). Исходя из предложенной нами гипотезы, где опыт (апперцепция) является ведущим фактором субъективности индивида, мы выделяем следующие составляющие данной особенности: фактор социализации личности и эмоциональный фактор.

При анализе единиц лексического уровня необходимо учитывать «не только теоретическое, целенаправленное познание, но и простое, обыденное постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение